

Фарада 17.1.89

Невысокий брюнет

Сов. криватура, — 1989, — 17.1.89, — с. 6

в черных ботинках с белым попугаем на голове

В его внешности ничего от привычного актерского облика. Плотная коренастая фигура, на которой вечерний концертный костюм сидит мешковато. Волосы курчавятся, сколько их ни прилизывай. Щеголеватая тонкая ниточка усов находится в некотором противоречии с большими печальными темными глазами. Сильные мускулистые руки неуверенно теребят пуговицу. Он застенчив. Он явно чувствует себя неловко в огнях софитов. И вообще он вышел к публике не проповедовать и не обличать, он вышел поделиться своими горестными неудачами, которые следуют за ним по пятам.

Зал встречает его бурными аплодисментами и улыбками узнавания. Узнают не только популярного артиста театра и кино Семена Фараду, узнают трогательную фигуру приезжего провинциала, оказавшегося в громадном чужом городе и немного ошалевшего от суеты, нервозности и неустойчивости быта.

«Жизнь наша полна сложностей и загадок, — начинает он негромко. — Иногда сделаешь что-нибудь эдакое... хорошее, но ненужное, и получаешь себе же хуле». Это один из рассказов, из которых возникла серия историй из жизни «непутевого человека». Про то, как увидел у чиновника застегнутые брюки, хотел сказать, чтоб тот застегнулся, а его, «непутевого», заставили писать заявление и замучили хождением по кабинетам. Про приезжего колхозника, который стоял в длинной очереди в ГУМе, купил сам не зная что, был счастлив, неизвестно почему, потом потерял это неизвестно что и теперь в отчаянии. Про затюканного участкового врача, у которого зарплата хорошая, но маленькая, а семья тоже хорошая, но большая. Потому что их — две.

Эти рассказы написаны мною в разные годы, они исполнялись разными артистами, но лишь Семену Фараде удалось их соединить в единую исповедь, наполнить своей органикой, после чего уже и автору кажется, что рассказы сочинял не он, а лишь записывал со слов исполнителя. Критики назовут этот персонаж «запоминающейся сценической маской». Может, оно и так, но, зная Семена много лет, я вижу, как через трогательную маску «непутевого человека» проступают черты его собственного характера, его собственной судьбы.

Перед тем как приобрести запоминающийся сценический псевдоним «Семен Фарада»,

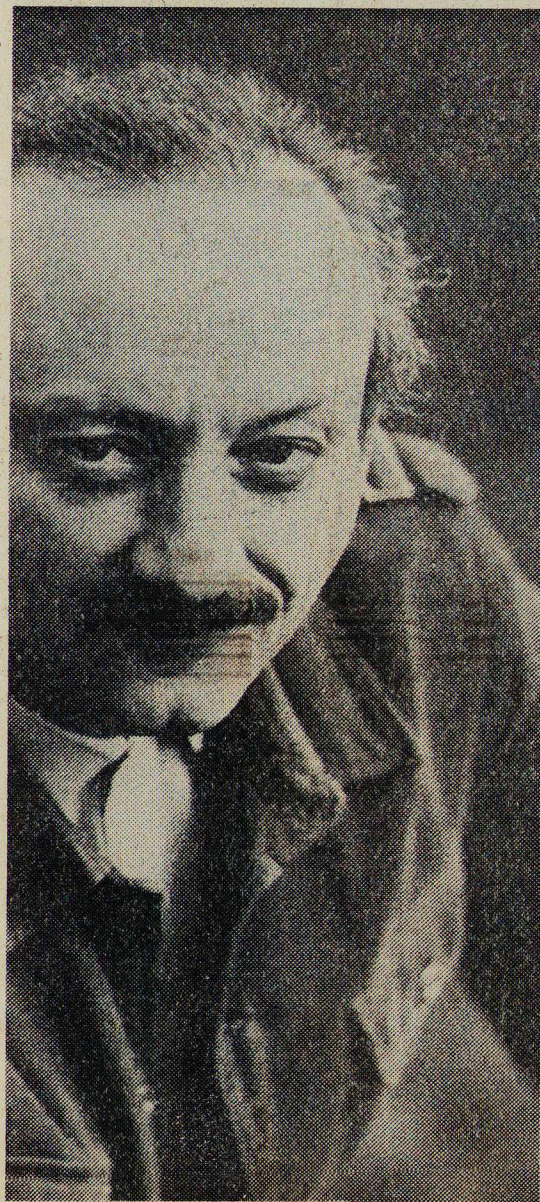
он был просто Сеня Фердман. Родился в семье военнослужащего. Школу закончил в Москве. Хотел пойти по стопам отца и поступить в Бронетанковую академию им. Сталина. Не прошел, как тогда говорились, «по профилю», то есть по анкетным данным. Передал документы в МВТУ им. Баумана. Устные экзамены сдал на «хорошо» и «отлично». За сочинение неожиданно получил двойку. Поскольку все сочинения писались на одну заданную тему: «Образ товарища Сталина в литературе», то, естественно, к содержанию экзаменаторы претензий предъявить не решились. Скажи, что много грамматических ошибок. «Непутевый Сеня» уже готов был смириться с судьбой, но вмешалась мама. Дрожа от страха, она явилась к ректору и попросила предъявить ей сочинение, ибо сомневалась, что сын, который всегда отличался абсолютной грамотностью, мог слово «земля» написать через «и». Достали сочинение. Смущенно «обнаружили», что все ошибки в разных местах вписаны и тут же исправлены одной рукой. Чтобы как-то замаять конфуз, приняли беспрецедентное решение: позволить «непутевому абитуриенту» писать сочинение вторично.

На энергетическом факультете проучился три года, затем призвали на флот. Прослужил четыре года, дослужился до старшины первой статьи. Затем в родной институт, и еще через два года он стал инженером-энергетиком. Занимал самые странные должности от «специалиста по заглушкам» до «старшего инженера-экскурсовода павильона электрификации ВДНХ». Во всех характеристиках, выдаваемых ему с мест его работы, писалось: «отличный специалист, пользуется в коллективе любовью и уважением»...

Насчет первой похвалы можно было б и поспорить, но вторая несла в себе чистую правду. Семена любили всюду за необычайный талант рассказчика, за постоянную роль создателя и главного участника всевозможных капустников. В эти же годы он становится одним из главных исполнителей эстрадной студии МГУ под руководством Розовского. Затем дипломантом Всесоюзного конкурса эстрады. Придумывает себе красивый псевдоним: «Семен Чекан». Тут же выяснилось, что уже есть знаменитый киноартист Чекан, мужчина атлетического сложения, который пригрозил «намылить шею непутевому однофамильцу».

Пробует себя в кино. Маленькие эпизоди-

ПОРТРЕТ

ческие роли, которые даже не указывают в титрах. Наконец, после участия в съемках на одной из студий Средней Азии директор картины соглашается вставить Семена в титры, но просит его придумать фамилию по красивее. «Что-нибудь такое, чтоб звучало. Можно так: букву из имени, букву из отчества, букву из фамилии». «Это будет какая-то шарада!» — запротестовал Семен. «Фарада, так фарада!» — согласился директор, не расслышав по телефону — Звучит красиво!».

Так возникла эта странная фамилия, которая теперь известна многим.

«Фамилия для артиста — это еще не имя!» — сострил один конференсье. Он прав. Имя добывается долгим трудом и поиском неповторимого лица. Я впервые увидел Семена в спектаклях эстрадной студии МГУ в начале 60-х. Среди всеобщей театральной оттепели студия под руководством Марка Розовского была местом, где наиболее бурно прорастали дерзкие свободололюбивые идеи. Спектакль «Вечер русской сатиры» открыл не только полузапретные мысли лучших наших сатириков XIX века, он явил зрителю еще целую группу замечательных молодых артистов, наделенных уникальным даром вызывать в зале смех. Сразу запомнились А. Филиппенко, В. Точилин, М. Филиппов и Семен.

В поэтическом памфлете А. Толстого «Сон Попова» Семен возник в страшном облике жандармского офицера. Фигура зловещая, пугающая своей аллюзионной узнаваемостью, но тут же благодаря ярким сатирическим краскам, которыми наделил ее артист, превращаясь в объект осмеяния. Семен поразительно передавал глубокомысленный идиотизм чиновника, который служит неправому делу не за совесть, а за страх. Он уловил какие-то биологические черты деградации личности, разучившейся размышлять, но постоянно имитирующей потугу на глубокомыслие.

Спектакль вскоре запретили. Но сатирическая маска осталась.

И позже, играя главкомандующего в фильме «Тот самый Мюнхгаузен», Губернатора в «Доме, который построил Свифт», демонстрировал эту комическую величественность тупости. Тупости, которая встречала нас в высоких кабинетах, смотрела с портретов, вывешенных на улице. Тупости, которая претендовала на вернопопданное почтение, а на самом деле вызывала лишь ироническую улыбку и анекдоты. «Серьезное лицо — еще не признак ума, — говорил барон Мюнхгаузен. — Все глупости на земле делаются именно с этим выражением!»

Семен Фарада умеет создавать непроницаемо серьезное лицо. Оно тем серьезней, чем больше смеется артист над ним в глубине своей души.

Вот уже более десяти лет Семен Фарада —

артист Театра на Таганке. Занят в основных спектаклях, роли не главные, но заметные: управдом и буфетчик в «Мастере и Маргарите», маклер в «Обмене», Второй Бог в «Добром человеке из Сезуана», Отец Сонечки в «Зори здесь тихие...»

Но тот, кто захочет по достоинству оценить театральный талант артиста Фарады, должен прийти в Малый зал на спектакль «Пять рассказов Бабеля». Он — Ведущий, он — Учитель Загорского, он — душа этого театрального действия, с поразительной тонкостью передающего щемящую ноту прекрасной бабелевской прозы. Здесь Фарада не похож на своего гротескового «непутевого», здесь приглушены сатирические краски, здесь он — лирик. Он рассказывает об обитателях одесской Молдаванки, словно там прошло его детство.

Мама Сени очень любит этот спектакль. Мама Сени очень любит своего сына. Но мама ценит скромность. «Сеня, — как-то сказала она сыну, — когда кланяешься, не становись в центре рядом со знаменитыми артистами, отойди в сторонку. Те, кому надо, тебя все равно отметят».

Впрочем, и без маминого совета он никогда не выпячивается. Он стесняется комплиментов. Он был против, чтобы я писал о нем эти заметки. «Еще подумают, что я тебя попросил. Еще подумают, что у меня какой-нибудь юбилей, а я никого не позвал на банкет. Еще и обидятся».

У него действительно нет юбилея. Ему в самый канун Нового года исполнилось 55 лет. (Умудрился «непутевый» родиться вечером 31 декабря, когда и без него у всех полно хлопот). 55 — забавная дата не «крутая», никакая. Просто жизнь выставила тебе в биографии две пятерки, и подумай, заслуженно ли ты их получил?

Он любит свой театр, эстраду, кино. Любит семью. А семья многочисленная: мама, жена Маша, сын Миша, кошка Шура и белый попугай Гоша. Когда Семен возвращается домой, попугай садится ему на лысину и ни за что не позволяет себя согнать. Впрочем, его никто и не согнает. В доме Фарады живут деликатные люди, которые уверены, что каждый сам волен выбирать себе место в жизни. Все просто улыбаются. А это немало. Писатель Зиновий Паперный как-то мудро заметил: «Мы все любим юмор. Мы считаем, что юмор полезен, что он помогает строить и жить. Это ошибка! Здесь мы путаем юмор с песней. Это песня «строить и жить помогает», а юмор помогает выжить!»

Юмор помог выжить нам в трудные годы. Наступившая пора тоже пока особой легкостью не отличается. Так что юмор выживания нам еще пригодится. Будем же благодарны артисту, который щедро нам дарит его.

Григорий ГОРИН.